1

Нью-Йорк, год назад

Я стою в очереди к Санта-Клаусу. Мне тридцать семь — и я стою в очереди к Санта-Клаусу. Что тут скажешь? В какой-то момент мне вдруг взбрело в голову, что это отличная идея.

Но с тех пор прошел уже час. И теперь мне кажется, что я фатально ошиблась. Прогулка обещала быть волшебной — и поначалу мои ожидания сбывались. Санта принимает гостей в офигенном снежном дворце. А рядом чего только нет: и белые медведи, и паровозик, и даже мастерская эльфов. Украшения сверкают, играет праздничная музыка, в руках у меня — личный паспорт, на который ставит штампики пугающе радостный персонал, пока я продвигаюсь к цели.

Когда я зашла сюда, мои глаза были полны восторга, а сердце — надежды. Я была готова к рождественскому чуду. А теперь мне жарко, неловко, и все вокруг на меня пялятся. Даже эльфы и те смотрят косо. Умом понимаю, что это мне, скорее всего, мерещится, но никак не могу отделаться от чувства, что за мной пристально наблюдают. Я бы не удивилась, если бы, опустив глаза,

обнаружила на груди красную точку снайперского прицела. Быстро проверяю свою догадку — так, на всякий случай. Точки нет. Уже хорошо.

Наверное, мой мозг просто решил немного развлечься. Он у меня тот еще проказник. Имя Локи ему бы подошло идеально. Хотя в чем-то он прав: взрослая тетка — странноватый гость для такого местечка. Или нет? Смотрю по сторонам — ну да, других таких чудачек тут нет. Кругом сплошь семьи с детьми. И это, казалось бы, тоже волшебно — что может быть милее ребенка, который с замиранием сердца ждет встречи с Сантой? Разве что щенок лабрадора, которому тоже не терпится поскорее увидеться с дедом в красном костюме, — но не уверена, что сюда пускают собак. Они ведь могут опи́сать фигурки оленей.

У детей есть интересная особенность: они редко ведут себя как полагается и мгновенно доходят до точки кипения. Где-то неподалеку, в глубине очереди, рыдает чей-то малыш — так громко, что заглушает рождественские гимны, — и этот звук ну никак не вяжется с образом младенца Иисуса, мирно дремлющего в яслях. Если только не представить, что его донимают болючие колики. У меня за спиной измученная женщина пытается объяснить своему старшему сыну, почему «настоящий» Санта живет именно в «Мейсис». Ребенок явно настроен скептически. Другая мамаша с силой тащит свою перепуганную дочурку вперед, следом за очередью. Девочке года четыре, она ревет в три ручья. Милая, как я тебя

понимаю. Святой дедушка Ник может порой напугать не на шутку. Меня захлестывает волна сопереживания всем этим родителям — и еще одно очень знакомое чувство. Тоска.

Детей у меня нет. Мне здесь не место. Какого черта я вообще сюда приперлась?

Поздно думать, говорю я себе, когда мы наконец подходим к гроту. Всё. Я уже здесь. Честно отстояла очередь, отстрелялась от снайперов и пережила террористическую атаку на барабанные перепонки. Я заслужила награду. Заслужила шанс на задушевную беседу с толстяком в красном костюме. Меня встречает молодой человек — такой счастливый, что того и гляди взорвется — просто граната на ножках, начиненная радостью, не иначе. Рядом с ним я вдруг чувствую себя беспросветной идиоткой.

— Вы сегодня одна? — весело спрашивает он, как будто это лучшее, что может случиться на этом свете.

Я киваю и пытаюсь улыбнуться.

— Ну да. Это странно? Честно скажите, странно ведь?

Он качает головой с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах.

— Ну что вы! Нисколько! — заверяет он. Ага, конечно. У тебя просто работа такая — не можешь ответить иначе.

Нервно смотрю на Санту. Он восседает на своем троне — и выглядит безупречно: какой костюм, какая борода, а волосы! В глазах горят озорные искорки. Подхожу ближе. Понятия не имею, что делать дальше.

Садиться к нему на колени? Не уверена, что даже дети так делают, а тут целая взрослая тетка. Я ему ногу отдавлю. Может, даже смертельно. Женщина, Убившая Рождество — как вам такое? Санта хлопает по сиденью рядом с собой, и я с облегчением выдыхаю: хоть кто-то дает понятные инструкции.

— Ну здравствуйте и с Рождеством! — произносит он ожидаемо радостным и успокаивающим голосом. Интересно, их специально этому обучают? Или это и правда настоящий Санта? — Как у вас дела? Рады празднику?

Тон у него слишком добрый. Слишком отеческий. Я сжимаю сумочку, лежащую у меня на коленях, и чувствую, как глаза вдруг наполняются слезами. Нет. Боже, только этого не хватало. Разрыдаться в гроте Санты! Крепко зажмуриваюсь, прикусываю губу, мотаю головой. Когда открываю глаза, вижу на лице у дедули смесь тревоги и ужаса. Его можно понять. Дети, которые ревут от испуга, — это одно. А вот рыдающие женщины — совсем другая история. Большинство мужчин их не выдерживают. Даже Санта. Впрочем, надо отдать ему должное: он быстро приходит в себя и похлопывает меня по плечу рукой в мягкой белой варежке.

— Ну будет, будет. Я вас так понимаю. Конец года всегда тяжелый, дел вечно невпроворот, даже выдохнуть некогда.

Я киваю и с трудом изображаю улыбку.

— Особенно вам, мистер Клаус.

— Что верно, то верно! Но у меня много помощников — эльфы, миссис Клаус и, конечно, мои олени! Так расскажите же — чего вы хотите на Рождество?

Санта поправляет пояс, тот тихонько позвякивает. Приятный звук. На мгновение он заставляет меня забыть о реальности. Забыть, что я одинока. Что живу в городе, который всегда казался мне чужим. Что ощущаю себя никчемной, никому не нужной вещью. Я забываю обо всем, кроме этого чистого, простого звука, и разрешаю себе поверить в лучшее. Хотя бы на секунду.

— Хочу быть рядом с людьми, которых люблю, — говорю я. — И чтобы эта любовь была взаимной.

Он удивленно вскидывает брови. Я добавляю:

— И еще щенка. И, возможно, новый телефон — я уронила свой в «Уолмарте», и теперь весь экран в трещинах.

Санта задумчиво кивает.

— Достойный список, — говорит он серьезно. — Особенно первый пункт. Ведь быть рядом с теми, кого любишь, — это и есть самое настоящее волшебство. Уверен, вы вели себя хорошо и заслуживаете немного счастья. А пока — сфотографируемся?

Я киваю. Далее следует просьба сказать «сы-ы-ыр». Затем все повторяется, но уже с моим телефоном, а потом Санта меня обнимает. Какое блаженство! Вот ради чего я сюда пришла. Да, я ужасно изголодалась по человеческому теплу. Объятие Санты для меня — по сути, первый

физический контакт за последние месяцы. Мне большого труда стоит не вцепиться в него и не разрыдаться ему в бороду. Ужасно хочется остаться в его руках и слушать, как позвякивают бубенчики. Локи мгновенно рисует альтернативную реальность, в которой Санта удочеряет меня и перевозит на Северный полюс. Ну а дальше, как водится, «жили они долго и счастливо».

— Прощайте, дорогая моя, — говорит он, пока я нехотя поднимаюсь. Потом машет мне большой белой рукой. — И помните: Санта любит всех ребятишек — и мальчиков, и девочек. Счастливого вам Рождества!

Я бреду по коридору, украшенному гирляндами, на выходе забираю значок с Сантой и прохожу к эскалаторам. А когда наконец оказываюсь в реальном мире универмага, чувствую себя как после кислотного трипа. Не то чтобы у меня есть такой опыт — моя жизнь ужасно скучная. Останавливаюсь у стойки с рождественскими пижамами-комбинезонами и проверяю телефон.

Господи. Фотка вышла просто отвратная. Во-первых, через весь экран тянется паутина трещин, так что мы с Сантой выглядим как герои фильма ужасов, которых прокляла ведьма. Вернее, не совсем так: он-то по-прежнему идеален — теплый взгляд, безмятежный вид. Я же будто из психушки сбежала. Длинные волосы так спутались, что в это гнездо можно воробьев селить, один глаз открыт, а второй дремлет, а улыбка — просто немой крик о помощи. Такое фото не поставишь в рамку и не отправишь друзьям. Зато Санта мог бы предъявить его как

доказательство тяжести своей работы и потребовать у начальства прибавку.

Ну и ладно, думаю я, убирая телефон, и иду к выходу. Ни о чем не жалею. Мне правда нужно было это объятие. Нужен был заряд праздничной магии — потому что в этом году я совсем ее не чувствую. До дня икс осталось меньше недели, а я еще не посмотрела ни одного рождественского фильма, не купила ни одного подарка и не съела ни одного рождественского пирога. Вообще-то, я не ела их уже больше десяти лет. Американцы, конечно, изобрели лампочку и первыми высадились на Луне — но до пирожков с начинкой из фарша и фруктов пока не додумались. Я могла бы найти их в каком-нибудь магазине для британских эмигрантов, но тогда окажусь в помещении, забитом фасолью «Хайнц» и шоколадом «Кэдбери», и обязательно разрыдаюсь от тоски по дому. Из Британии я уехала еще подростком, но место, где проводишь первые, самые важные годы, почему-то навечно остается домом — сколько бы тяжелых воспоминаний с ним ни было связано.

Я жила в разных штатах, но несколько лет назад обосновалась в Нью-Йорке. Когда-то давно мы с мамой приехали сюда туристами, и я сразу влюбилась в этот город — в его романтику, в его энергию. Оказалось, что романтика и энергия ощущаются совсем иначе, когда в твоей жизни нет ничего кроме работы и каких-то стремных мужиков из приложений для знакомств. Ладно, они там не все стремные — есть еще скучные

и откровенно мутные, и ни одна категория мне не подходит. Или, может, это я никому не подхожу. Этот вывод напрашивается сам собой — после несчастливого брака, в который я вступила в двадцать с чем-то, и череды неудачных отношений.

Отчасти поэтому я и пошла к Санте. Пока я гуляла по праздничным улицам после очередного увлекательнейшего рабочего дня в строительной фирме, где я тружусь офис-менеджером, я вдруг поняла, что у меня совсем нет рождественского настроения. В душе — ни искорки праздника, ни капельки волшебства. Мне предстоит встречать Рождество в одиночестве, что уж тут радостного? У меня даже елки нет — зачем ее ставить, если любоваться ею кроме меня некому? В последнее время я всё делаю в одиночестве, и это радости не прибавляет. Я живу в одном из крупнейших городов мира — и чувствую себя невидимкой. Словно вот-вот исчезну даже из собственной жизни.

Я хочу с кем-то сблизиться. Хочу, чтобы у меня было кому выговориться, рассказать, как прошел день. Чтобы у меня появился союзник. Хочу, чтобы кто-то знал, какой кофе я люблю, дарил мне цветы и крепко обнимал по ночам. Слишком наглая рождественская мечта? Неужели тут даже Санта не справится?

Ранний вечер, за окном уже темно. Недавно был снегопад, но теперь под ногами хлюпает слякоть, на дорогах мокро, а с карнизов капает. Смотрю сквозь магазинные витрины на оживленную улицу. Парочки,

семьи, одиночки с пакетами — все куда-то спешат. У всех ужасно занятой и целеустремленный вид.

Вдруг понимаю, что совсем не хочу домой. Тем более что это не дом — так, одно название. Когда я только въезжала в эту квартиру, энтузиазма во мне было побольше. Теперь она кажется просто холодной и тесной — никакого уюта и теплоты. Впрочем, дело не в квартире. Дело во мне. Я совсем перестала следить за собой, а это, вообще-то, чертовски важно, когда ты одна! Я прекрасно это понимаю — но питаюсь исключительно полуфабрикатами, которые надо разогревать в микроволновке. Почему, спрашивается? Я ведь умею готовить! И даже люблю! Я прекрасный пекарь! Мне всегда нравилось возиться на кухне — месить, смешивать, взбивать. Так откуда тогда в морозилке эти картонные коробки, на которых впору бы сразу писать: «Ланч для лузеров» или «Унизительный ужин»?

И почему я так и не украсила квартиру? Хотя бы парой гирляндочек. Почему не купила себе новый телефон? Почему уже несколько месяцев не хожу на свидания?

Да потому что тону в бездне меланхолии, вот почему. Папа у меня такой же, и мне эта наша черта ужасно не нравится. Я живу по инерции и понемногу увядаю внутри. Такое чувство, будто я уже сама на себе крест поставила.

Надо это прекращать. Нельзя ставить собственную жизнь на паузу. Я вспоминаю слова Санты — моего нового личного коуча. Я заслуживаю счастья. Он прав.

Раскисать и жалеть себя — так себе стратегия. Надо думать позитивнее. Всё можно изменить. Не обязательно до конца своих дней жить под гнетом провалов и одиночества. Рождество всегда обнажает то, чего нам не хватает, — весь мир так и кричит нам об этом, да еще пальцем тычет! Это праздник детей, семьи, любви. Тем, кто этого лишен, приходится несладко.

Но, может, сегодня что-то изменилось. Я ведь повстречалась с Сантой — с самым настоящим Сантой, в этом нет никаких сомнений. Может, теперь мои желания исполнятся. Может, я выйду сейчас на улицу — и столкнусь с мужчиной своей мечты, и это будет неожиданно и романтично, как в кино. Вот прямо здесь, у «Мейсис». И когда-нибудь мы расскажем эту историю нашим детям.

Воодушевленная, я протискиваюсь сквозь толпу и встаю на тротуар. Или, как чаще говорят у нас на родине, на бордюр. Делаю глубокий вдох. Оглядываюсь. Шепчу короткую молитву, задрав голову к звездному небу. Скрещиваю пальцы — и жду волшебства.

Уверена, мимо вот-вот пронесется лимузин какого-нибудь умопомрачительно красивого миллиардера — и окатит меня водой из лужи. Миллиардер выйдет извиниться. Наши взгляды встретятся. Позвольте пригласить вас на ужин, скажет он, вам же надо обсохнуть, и вечер мы проведем за искрометной беседой и безудержным флиртом — а когда подадут десерт, оба поймем, что влюблены. Красота!

А может, в меня врежется велосипедист, я упаду и ударюсь головой. Меня повезут в больницу, а он поспешит следом. Из недолгой комы я выйду с идеальной укладкой, безупречным макияжем и белоснежными зубами. Умопомрачительно красивый велосипедист будет сидеть рядом, держать меня за руку и смотреть мне в глаза. Кроме того, вскоре окажется, что он миллиардер под прикрытием. И мы влюбимся друг в друга быстрее, чем успеем произнести «перелом основания черепа».

Замечаю на углу музыканта. Может, он — бывший участник группы, которая когда-то гремела в чартах, а теперь вот выступает на улицах, чтобы заново найти себя? Брошу доллар ему в гитарный чехол — он подмигнет, и мое сердце дрогнет. Я его узнаю, стану его музой, и он понапишет еще кучу великих песен о любви ко мне. Наверняка и он окажется умопомрачительно красивым. Миллиардером.

Решаю помочь волшебству и подхожу к музыканту. Бросаю ему доллар, стараясь не морщиться, — он перевирает «Blue Christmas»* Элвиса так, что бедняга, наверное, сейчас в гробу вертится. Музыкант поднимает голову, шапка Санты съезжает куда-то на нос, и я вдруг с ужасом понимаю, что ему лет сто. Или даже тысяча. Он подмигивает мне — и рыгает. Долго, обстоятельно, секунд пять. Я чуть не теряю сознание от запаха виски и быстро отступаю. Ладно. Этот вариант отпадает.

---

* «Грустное Рождество» (англ.). — *Здесь и далее прим. перев.*

Пока я ретируюсь, мимо — буквально в сантиметре от меня — со свистом проносится велосипедист. Судя по форме, курьер. Меня обдает волной воздуха. Курьер торопливо выкручивает руль, чтобы уйти от столкновения.

— На дорогу смотри, идиотка! — орет он, показывая мне средний палец, и скрывается в темноте.

Не успеваю я прийти в себя после этого, можно сказать, покушения, как мимо проносится огромный черный внедорожник с тонированными стеклами. Из-под колес взлетают грязные брызги и окатывают меня с головы до ног. Машина даже не притормаживает. Я стою — мокрая, дрожащая — и гадаю: куда подевались все обходительные миллиардеры? Так уж и быть, умопомрачительную красоту вынесем за скобки, готова довольствоваться банальной вежливостью.

Женщина, видевшая, что тут произошло, с сочувственным видом подходит ко мне.

— Сколько же на свете идиотов, — уверенно заключает она. — Вы в порядке?

— Да, — отвечаю я, выжимая волосы. — Спасибо. Хотя, может, идиотов на свете не так уж и много, просто я их всех притягиваю.

Женщина достает из сумки пачку салфеток и отдает мне. Я вытираю лицо и улыбаюсь ей. Ну наконец-то. Воспитанный человек! Красота тоже при ней. А может, и миллиарды. Как знать, может, все эти годы я играла не за ту команду?

— Выпьем кофе? — предлагаю я — и сама себе удивляюсь. Как-то само собой вырвалось, я даже обдумать ничего не успела.

Она растерянно качает головой.

— Нет, извините, у меня встреча. Салфетки можете оставить себе. С Рождеством!

И убегает. Что ж, я ее не виню. Уже по селфи с Сантой было понятно, что я сейчас выгляжу не лучшим образом, — а теперь еще грязь из лужи добавилась. Она наверняка расскажет подругам про странную тетку со значком Санты на груди, которая приставала к ней у «Мейсис».

— Да не приставала я к вам! — кричу я ей вслед. — Просто мне одиноко!

Она оглядывается. Несколько прохожих тоже смотрят на меня. Но это Нью-Йорк — никто особо не удивляется. Я пожимаю плечами и бреду дальше.

Внутри вдруг просыпается странная решимость. Пусть я выгляжу как сумасшедшая. Пусть мне грустно и жаль себя. Но рождественское волшебство я в этом году найду — или хотя бы попытаюсь. Я не плохой человек. Я не пинаю щенков, не ворую и никому не порчу жизнь. Я спасаю пауков из ванны, помогаю деньгами ребенку из Бангладеш и всегда захожу проведать пожилую соседку — миссис Баумгартен. До святости мне, конечно, далеко, но и в список злодеев меня заносить рано. Слышишь, мироздание?

Да, понимаю, Вселенная живет по другим законам, и это уже не на шутку бесит. Пробираясь сквозь толпу —

мимо подтаявших сугробов и ярко украшенных витрин, — я чувствую, как злость внутри нарастает. А потом она вдруг превращается в силу. И вот я уже готова решать сама за себя. Действовать, а не плыть по течению — впервые за несколько месяцев. Я принимаю рождественское чудо.

Останавливаюсь у какого-то магазина и даю себе несколько мотивирующих установок. Вслух — и плотная толпа прохожих рядом мгновенно рассеивается.

— Я заслуживаю счастья, — говорю я твердо. Пусть Вселенная знает, что я не шучу! — Я заслуживаю любви. Я заслуживаю нового телефона и хорошей стрижки. Заслуживаю испечь себе самый восхитительный рождественский пирог на свете. Обещаю тебе, Санта: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы эти желания сбылись.

И отправляюсь за покупками — надо же с чего-то начинать.

2

Год спустя

Тайлер поднимает бокал, мы чокаемся — шампанское плещется через край, и нам обоим становится смешно.

— За нас! — говорит Тайлер и улыбается. Его глаза весело поблескивают за стеклами очков. — И за нашу полугодовщину!

— Разве есть такое слово? — спрашиваю я — тоже с улыбкой.

У Тайлера густые темные волосы, и, хотя очки придают ему слегка ботанский вид, ботан из него очень и очень симпатичный. Он много занимается спортом и чем-то напоминает Кларка Кента. При одной мысли об этом я невольно задумываюсь, как бы он смотрелся в костюме Супермена…

— Конечно, — отвечает он с обиженным видом. — Вот, у меня есть доказательства!

Тайлер достает из сумки конверт и протягивает мне. Я сразу догадываюсь, что это открытка, и мне тут же становится совестно — я-то никакого подарка не приготовила. Вскрываю конверт. Да, точно, открытка. С подписью «С полугодовщиной». Что ж,

всё официально — кажется, такое слово действительно есть.

— Прости, — говорю я, виновато глядя в его голубые глаза. — Девушки хуже, чем я, не найти.

Он тянется ко мне и нежно гладит по щеке. Я прижимаюсь к его ладони. Не будь мы в ресторане, я бы, пожалуй, замурлыкала.

— Не наговаривай на себя. Уверен, ты придумаешь, как загладить вину. Попозже.

Подмигивает. Пытается флиртовать, но выходит как-то комично. Когда мы только познакомились, меня терзали сомнения. Тайлер был хорош собой, его манеры подкупали, но пока я не узнала его получше, мне казалось, что он высмеивает всё на свете. Хорошее чувство юмора — это плюс, спору нет. Но он был готов шутить даже над такими серьезными темами, как рак, с которым боролась его мама, или испытания, которые претерпел его дед во Франции, когда участвовал во Второй мировой.

Теперь я знаю: этот юмор — что-то вроде нервного тика. Тайлеру часто бывает не по себе в компании, и он с детства привык спасаться шутками. Отголоски этой привычки просачиваются во все его проявления — я научилась их считывать.

— Ну, постараюсь, — говорю я и медленно провожу ступней по его ноге под столом, с удовольствием наблюдая, как у Тайлера удивленно вытягивается лицо. — Полугодовщина — это серьезно. Все это знают. Такое надо отметить.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru